

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

ВАПЕРЦЫ
ЗОПОТУХИ

На плахе Паганки

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2025

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3
3-80

Золотухин Валерий

3-80 На плахе Таганки / В.С. Золотухин. – М.: Родина, 2025. – 544 с.: илл. – (Культурный слой).

ISBN 978-5-00222-784-6

«На плахе Таганки» – уникальный по своей откровенности и драматизму документ, повесть о небывалой популярности в 60—80-е годы любимовского театра, истории его раскола и заката, рассказ о звездных именах Таганки – Владимире Высоцком, Анатолии Эфросе, Юрии Любимове, Алле Демидовой, Николае Губенко, Леониде Филатове и мечтаниях-метаниях самого автора – от пельменной в Москве до храма в Быстром Истоке.

Книга Валерия Золотухина – это содержательный, эмоционально насыщенный рассказ о делах и днях беспокойной актёрской жизни.

**УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3**

ISBN 978-5-00222-784-6

© Золотухин В.С., наследники, 2025

© ООО «Издательство Родина», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	6
Мизантроп (1987)	8
Ирбис — значит снежный барс (1988)	28
«Не бросай Тамару, сынок...» (1989)	128
Вот и Баська ушла из дома... (1990)	186
«Где вы были 21 августа?» (1991)	240
Я — Павел I (1992)	290
«Чтоб за полгода стать Живаго, он двадцать лет тащил Живого» (1993)	356
Без поводья (1994)	419
Всех денег не заработаешь, а пропить можно всё (1995)	451
«Секс мне необходим каждый день» (1996)	497
Спиной к спине — лица не увидеть (1997)	518
Прости меня, Господи! (1998)	532

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Дневники артиста Театра драмы и комедии на Таганке Валерия Золотухина уже частично публиковались и получили разноречивые отклики. Хотя такого рода документы обычно предаются гласности после смерти, В. Золотухин нарушает традицию. Дело в том, что дневник для него не только самый близкий друг и собеседник. Он рассматривает его и как литературное произведение, из которого что-то использует как подсобный материал для еще более заветной «зеленой тетради», что-то выделяет как имеющее самостоятельную ценность. В этом смысле он и сам в постоянных сомнениях и творческом поиске. Конечно, некоторые, наиболее откровенные и интимные страницы дневника могут кого-то шокировать. Автор это понимает и находит своей «откровенности» разные объяснения, порой в свою очередь способные вызвать не меньшее удивление: а вот назло вам разденусь и явлюсь в чем мать родила, а там уж как хотите судите-рядите...

Дневник можно рассматривать и как исповедь, но не ту, что доверяют священнику и Богу, а — всем людям. Почему? Наверно, потому, что В. Золотухин — артист и писатель. А эти профессии предполагают необходимость не только очищения, а и сопереживания, то есть аудитории, где отпущение грехов, а может, и суд происходят на миру, перед внимающей тебе публикой. Во-вторых, дневник В. Золотухина — это и мемуары, где их автор наряду с фиксацией событий быстролетящего времени обращается и к прошлому — воспоминаниям о детстве в алтайском селе Быстрый Исток, трудным и запутанным судьбам своих родителей, братьев, сестер, взаимоотношениям с любимыми, с которыми, и прощаясь, не расстаются...

Но, конечно, в центре повествования — феномен знаменитого театра на Таганке, его фантастической популярности в 60–80-х гг., последовавший затем раскол — своего рода зеркальное отражение трагедии, переживаемой страной, то есть драматическая судьба Храма, ставшая уже фактом истории. С этим связаны и раздумья автора о своей прокливаемой, но без которой нет житья профессии, и порой неллицеприятные оценки коллег и партнеров, и высказывания, часто весьма наивные, о политических событиях в стране, хотя политикой В. Золотухин не увлекается, и, если и участвует в силу разных причин в каких-либо «тусовках», чувствуется, что ему это не по душе, ибо он весь в себе, в своих противоречивых переживаниях...

Но о чем бы ни рассказывал автор дневника, — о взлетах и падениях Учителя-Мастера, об ошибках Друга-соратника, заблуждениях Друга-соперника, слабостях партнеров — он всегда искренен и честен перед ними

и самим собой. Отдельные его суждения о человеческих качествах коллег, родственников и знакомых могут показаться резкими и обидными, но только учтите при этом, что ни к кому так не строг автор, как более всего к самому себе, любимому. Конечно, любимому, автор это прекрасно осознает, но такова природа актерского ремесла, а затем повествователь и сам хорошо знает, что тщеславие один из самых распространенных пороков творческой личности. Задумайтесь, однако, а на чем держится нищая жизнь актера — не на тщеславии ли, не на жажде ли славы и признания? Потому он и судит, и клянет себя, и кается, и впадает в отчаяние, то есть занимается тем самым самоедством, рефлексией, без которой ну никак не может русский человек.

Возможно, кто-то обвинит В. Золотухина в зависти, свойстве, которое человек обычно скрывает от окружающих. А тут нате вам, искренне признается — завидовал В. Высоцкому... Но сколько в этой зависти — как это ни парадоксально — и любви, и преданности, и восхищения! Так, может, это называется иначе?

А затем, В. Золотухин — человек верующий и нередко вспоминающий библейскую заповедь «не судите, да не судимы будете», которую следует понимать лишь в смысле милосердия и прощения, как к другим, так и к себе. Как истинно русский человек, автор этого уникального документа не страшится согрешить, но и не боится покаяться. Потому в своем дальнейшем сибирском селе Быстрый Исток он на свои средства и пожертвования сочувствующих его идее строит храм как символ отпущения своих грехов и прегрешений ближних. Хотя сам понимает, что и в этом, возможно, есть оттенок гордыни и тщеславия. Но какой строитель, возводя храм, не думал о том, что одновременно строит и памятник себе. А вообще-то смирение и гордыня всегда идут рядом. Такова уж человеческая природа. И это тоже надо понять...

Может быть, поэтому, публикуя свой дневник, автор более всего рассчитывает на понимание. А понять — значит, простить.

Что еще сказать? Наверное, дневники В. Золотухина вызовут неоднозначное к себе отношение. Их легко разругать — автор же сам постоянно подставляется. Перед нами обнаженное сердце, душа нараспашку, по определению автора — «беззастенчивая правда». Поэтому критик, взявшийся за перо с намерением изничтожить книгу, должен помнить об этом, а еще о том, что автор нередко и сам на себя наговаривает. Скажете — зачем? Ну так дневник-то *русского* человека!

МИЗАНТРОП

1987

У актеров на Таганке
Есть особенность осанки
И особенность судьбы:
Доказать Руси, Европе,
Что театр наш — не холопий
И актеры — не рабы.

Первые некрепостные
Из актеров Совроссии,
Вы — Любимова птенцы.
Был театр такого рода,
Как внутри тюрьмы — свобода.
Вы — таганская порода,
Бунтари и сорванцы.

На дощатой плахе-сцене
Рвал Высоцкий грудью цепи
И лучился заводной,
Легкий, звонкий, без натуги
Золотов, нет — Золотухин,
Золотистый, золотой...

*Экспромт Е. Евтушенко
в зале театра
на 50-летие В. Золотухина.*

25 июня 1991 г.

8 октября 1987 г. Четверг

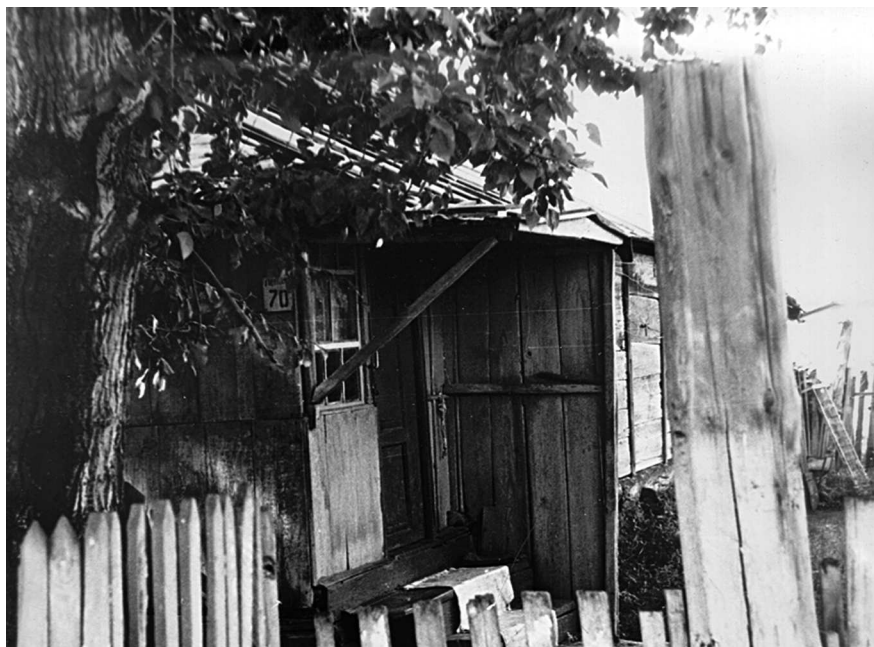
По болезни Полицеймако¹ отменено «Дно». Будем играть «Мизантропа». Господи! Спаси и помилуй. Еду в театр брать характеристику для Америки. Чуть.

Расстроил меня Глаголин², а Тамарка³ очень и очень обрадовала — ей статья понравилась, она даже прослезилась, и больше об этом, про статью, писать я не буду. Тамарка уже получила загранпаспорт, заплатила пошлину, ждет визы... и в Париж. А я отвез в Госкино подтверждение на характеристику.

¹ Полицеймако Мария — актриса Театра на Таганке.

² Глаголин Борис — режиссер и долгие годы секретарь партбюро театра.

³ Тамара — жена В. С. Золотухина.

Баслина¹ опасается за меня в театре — резкое неприятие позиции Губенко², смелое чересчур выступление и пр., «так ты можешь стать в театре изгоем».

17 октября 1987 г. Суббота

Ой, как хочется, особенно прочитав карякинскую, просто шедевральную публицистику, записывать и нынешний художественный совет, и разговоры «бесовские» Филатова³ Ленки, которого сегодня срочно ввели в худсовет. Пойду-ка спать я... Лечиться надо мне. Но худсовет был смешной.

— Ты все норовишь насолить Леониду, — говорит мне Лаголин.

— Я ему уже насолил давно, но другим совершенно...

Фурсенко хотят отдать в мою пельменную; надо или заканчивать эту болтовню, или заняться всерьез. Кстати, Николай очень легко (или, чего хуже, равнодушно) принял мою статью. А я-то ожидал, всю ночь не спал сегодня, готовился к речам, ответам. Все вышло совсем не так и в результате — гаже, потому что для них всех это — не отвечать, делать вид, что ничего не случилось, не помнить, не выяснять отношений и пр. Скорее всем слиться и тем самым весь грех поделить на всех.

Филатову я сказал:

— Я пока не могу выходить с вами на сцену. Мне совесть, память перед А. В.⁴ не позволяет этого делать. Но все равно придется... шесть спектаклей... В спектаклях это как бы работа, а «Дилетанты» — это добровольное содружество хоббийных начал. Пусть пройдет 25 января, оно должно закончить этап консолидации и нашей «перестройки».

18 октября 1987 г. Воскресенье

Хотел съездить в церковь, хотел... хотел... но стал «молиться телу». (Солженицын).

Зачем я звонил вчера Крымовой⁵ по поводу статьи в «Комсомолке» с возмущением и обещанием, что немедленно буду действовать, и расшифрую имена, и смою пятно с театра, и пр. Теперь стих и не знаю, что делать, и совесть и душа болят. Эти объясняют просто — они теперь обвиняют во всем Любимова, обещал-де приехать, не приехал, обманул, а мы не сориентировались (главное тут «не сориентировались») и понаделали глупостей, готова ему встречу подобными демаршами. И тут для них важнее, что сори-

¹ Баслина — актриса театра.

² Губенко Николай — в то время главный режиссер театра.

³ Филатов Леонид — актер театра.

⁴ Анатолий Васильевич Эфрос — в 1984–87 гг., во время пребывания Ю. П. Любимова за границей, главный режиссер Театра на Таганке.

⁵ Крымова Наталья — театральная критик, вдова А. В. Эфроса.